

ВОСТОЧНЫЕ ОКРАИНЫ ИМПЕРИИ: СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ РАЗВИТИЯ

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.3.6>

UDC 94(47+57)“1853”:327

LBC 63.3(2)521.2-6

Submitted: 30.11.2024

Accepted: 15.01.2025

KAZAKH INFORMANTS IN THE AK-MECHET EXPEDITION IN 1853

Seilkhan T. Tokbolat

M.Kh. Dulaty Taraz University, Taraz, Kazakhstan

Abstract. *Introduction.* The 1853 Ak-Mechet Expedition was a pivotal moment in the Russian Empire's advance into Central Asia, aimed at consolidating its position in the region and weakening the influence of the Khoqand Khanate. The fortress of Ak-Mechet, a key stronghold of the Khoqandis in the lower Syrdarya region, held strategic significance for controlling the Kazakh steppes and trade routes. The expedition's success was not solely due to the military superiority of Russian forces but was also facilitated by the active involvement of Kazakh informants, who provided crucial intelligence on the political and military situation in the Khoqand Khanate. *Materials.* This study is based on archival documents from the Russian State Military-Historical Archive, the Central State Archive of the Republic of Kazakhstan, and the State Archive of the Orenburg Region. *Analysis.* The article examines the role of Kazakh informants in ensuring the success of the Ak-Mechet Expedition. Based on archival materials, including correspondence between Russian military officials and reports on events in Central Asia, the study analyzes how Kazakh informants gathered information on the strength of the fortress garrison, the condition of its fortifications, and the internal political climate within the Khoqand Khanate. Special attention is given to the organization of information gathering by the Orenburg administration and the role of the Kazakh tribal elite in supplying intelligence. *Results.* The findings indicate that the success of the Ak-Mechet Expedition was largely dependent on the intelligence provided by Kazakh informants. Their contributions enabled Russian forces to plan and execute the military campaign with minimal losses. Kazakh informants not only contributed to the expedition's strategic planning but also actively engaged in disinformation efforts, significantly weakening the fortress's defenses. Collaboration between Russian authorities and Kazakh elites was one of the key factors in the expedition's success, underscoring the importance of local alliances in military campaigns. This case study offers a deeper understanding of the mechanisms of Russian expansion in Central Asia, moving beyond traditional narratives of military superiority to highlight the role of local actors in shaping imperial strategies.

Key words: Ak-Mechet Expedition, Kazakh informants, Russian Empire, Khoqand Khanate, Central Asia, local collaboration.

Citation. Tokbolat S.T. Kazakh Informants in the Ak-Mechet Expedition in 1853. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2026, vol. 31, no. 3, pp. 58-73. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.3.6>

КАЗАХСКИЕ ИНФОРМАТОРЫ В АК-МЕЧЕТСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ 1853 ГОДА

Сейилхан Токболатулы Токболат

Таразский университет им. М.Х. Дулати, г. Тараз, Казахстан

Аннотация. *Введение.* Ак-Мечетская экспедиция 1853 г. стала важным этапом в продвижении Российской империи в Средней Азии, направленным на укрепление ее позиций в регионе и ослабление влияния Кокандского ханства. Крепость Ак-Мечеть, являвшаяся ключевым опорным пунктом кокандцев в низовьях Сырдарьи, имела стратегическое значение для контроля над казахскими степями и торговыми путями. Успех экспедиции был обусловлен не только военным превосходством русских войск, но и активным участием казахских информаторов, которые предоставляли сведения о политической и военной обстановке в Кокандском ханстве. *Материалы.* Исследование основано на архивных документах из Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), Центрального государственного архива Республики Казахстан (ЦГА РК) и Государственного архива Оренбургской области (ГАОО). *Анализ.* В статье рассматривается роль казахских информаторов в обеспечении успешного проведения Ак-Мечетской экспедиции. На основе архивных материалов, включая переписку русских военных чиновников и отчеты о событиях в Средней Азии, анализируется, каким образом казахские лазутчики собирали сведения о численности гарнизона Ак-Мечети, состоянии ее укреплений и внутривнутриполитической ситуации в Кокандском ханстве. Особое внимание уделяется систематизации деятельности сбора информации, организованной Оренбургской администрацией, и роли казахских родовых элит в предоставлении сведений. *Результаты.* Результаты исследования показывают, что успех Ак-Мечетской экспедиции во многом зависел от сведений, предоставленных казахскими информаторами. Их вклад позволил русским войскам спланировать и провести военную экспедицию с минимальными потерями. Казахские информаторы не только способствовали успешному планированию экспедиции, но и активно участвовали в дезинформации противника, что значительно ослабило оборону крепости. Сотрудничество между русскими властями и казахскими элитами стало одним из основных факторов успеха экспедиции, демонстрируя важность местных союзов в военных походах. Данный пример предлагает более глубокое понимание механизмов русских завоеваний в Средней Азии, выходя за рамки традиционных нарративов о военном превосходстве и подчеркивая роль местных акторов в формировании имперских стратегий.

Ключевые слова: Ак-Мечетская экспедиция, казахские информаторы, Российская империя, Кокандское ханство, Средняя Азия, местное сотрудничество.

Цитирование. Токболат С. Т. Казахские информаторы в Ак-Мечетской экспедиции 1853 года // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2026. – Т. 31, № 3. – С. 58–73. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.3.6>

Введение. Военная экспедиция 1853 г., направленная на захват кокандской крепости Ак-Мечеть, стала важным этапом в процессе расширения влияния Российской империи в Средней Азии. Будучи северным форпостом Кокандского ханства, Ак-Мечеть играла значимую роль в контроле над казахской степью и служила плацдармом для распространения кокандского влияния на казахские кочевья. Как отмечал позже кокандский хронист мулла Нияз-Мухаммад Коканди, оплакивая падение крепости, что Ак-Мечеть была не просто укрепленным пунктом, но «воротами ко всем мусульманским землям» и «центром Дашт-и-Кипчака» [2, р. 120]. Действительно, ее зах-

ват не только укрепил позиции России в низовьях Сырдарьи, но и создал предпосылки для дальнейшего продвижения в южном направлении.

При изучении завоеваний Российской империей Среднеазиатских земель бросается в глаза относительная легкость, с которой русские войска захватывали степные укрепления, не неся при этом значительных потерь. Даже российские авторы, являвшиеся очевидцами этих событий, отмечали в своих трудах, что армии ханств, уступавшие в военном отношении, не могли оказать серьезного сопротивления [13, р. 7]. Российские военные писатели часто подчеркивали примитивность во-

оружения противников, объясняя этим их неспособность к эффективной обороне. В этом контексте показательным свидетельством Николая Гавриловича Залесова, офицера и участника дипломатической миссии в Хиву и Бухару в 1858 г., который указывал на архаичность вооружения хивинских войск, состоявшего из устаревших сабель, копий и фитильных ружей, способных производить не более трех выстрелов в сутки [36, р. 493].

Другие российские авторы также обращали внимание на отсутствие у среднеазиатских ханств регулярных профессиональных армий. Их военные формирования в основном представляли собой временные ополчения, собранные лишь на период военных действий. Эти отряды были не только плохо вооружены, но и не имели достаточной дисциплины и подготовки для ведения длительных и организованных боевых действий [35, р. 275].

На первый взгляд может показаться, что военное превосходство России объяснялось исключительно ее техническими и организационными преимуществами. Действительно, ряд исследователей связывает успехи Российской империи с так называемой «военной революцией» – концепцией, получившей широкое распространение в западной историографии. Согласно этой теории, завоевания европейских держав в XVII–XVIII вв. стали возможны благодаря военным новшествам, развитию огнестрельного оружия, реорганизации армий и модернизации фортификаций. Джеффри Паркер в своих работах проводит параллели между Россией и западноевропейскими государствами, отмечая, что Россия также пережила значительные военные преобразования под влиянием Западной Европы [25, с. 38]. Позднее схожую точку зрения выдвинул Майкл К. Пол, который утверждал, что, хотя Россия действительно испытала влияние «военной революции», эти изменения происходили медленнее и в меньших масштабах из-за внутренних социально-политических потрясений и специфики ее противников. Тем не менее влияние военных реформ позволило России не только избежать колониального подчинения, но и значительно расширить свои территории, что способствовало превращению ее в одну из крупнейших мировых империй [26].

Даже современные российские исследователи, такие как А.А. Михайлов [19], Е.А. Глущенко [14], В.В. Марюткин [17] и Р.Н. Рахимов [29], зачастую сосредотачиваются на описании военных сражений, представляя их как череду побед русских войск, которые якобы без особых усилий захватывали крепости. Однако объяснение успехов Российской империи исключительно военным превосходством представляется методологически ограниченным. Европейские исследователи Уильям Р. Томпсон [33] и Джереми Шарман [30] подвергали критике подход, сосредоточенный лишь на технологическом преимуществе. У.Р. Томпсон отмечал, что победы европейских держав в колониальных войнах часто зависели не только от вооружения, но и от альянса с местным населением.

Если в борьбе с казахскими повстанческими отрядами российские власти уже имели определенный опыт их умирения, то противостояние с более централизованными и организованными среднеазиатскими ханствами, такими как Кокандское и Хивинское, ставило перед Российской империей качественно новые вызовы. К середине XIX в. у российского командования отсутствовало четкое понимание мобилизационного потенциала среднеазиатских государств, их способности к организации обороны крепостей и сопротивления хорошо вооруженным российским войскам. Именно поэтому Ак-Мечетская экспедиция, ставшая первой основательной военной экспедицией Российской империи против кокандского укрепления, опиралась не только на превосходство в вооружении и численности, но и на тщательный сбор разведывательных данных о противнике, его военных возможностях и внутрисполитической ситуации в среднеазиатских ханствах.

В данном контексте успех экспедиции во многом зависел от способности российского командования эффективно использовать разведывательные сведения, поступавшие от лояльных к русскому правительству казахских родовых элит. Будучи интегрированными в систему управления степью, эти элиты не только способствовали обеспечению логистики, но и предоставляли ценную информацию о противнике, географических особенностях региона, а также о военно-политической об-

становке в среднеазиатских ханствах. Как отмечает Г.С. Султангалиева, в казахстанской и российской историографии до сих пор не ставилась проблема колониального характера знания, культивируемого Санкт-Петербургом, как и роли этого знания в практических действиях местных и центральных властей [31, р. 71].

Но тем не менее в последние годы исследователи все чаще обращают внимание на значение местных знаний и ресурсов в процессе освоения новых территорий. Так, Иэн Кэмпбелл, анализируя ранние этапы включения степных территорий в состав Российской империи, подчеркивает, что администрация зачастую действовала в условиях ограниченных знаний и вынуждена была активно привлекать местных посредников [3, р. 5]. Особое значение в этом контексте приобретает исследование Александра Моррисона, посвященное Хивинскому походу 1839 года. Моррисон демонстрирует, что успех российской экспедиции во многом зависел от содействия казахов, которые не только обеспечивали войска выючными животными, но и выступали проводниками, ориентируясь в обширной степи. Без содействия казахов выступление Хивинской экспедиции из Оренбурга было бы невозможно [21].

Исходя из этого, Ак-Мечетская экспедиция, как и другие российские военные экспедиции в Средней Азии, требует более многогранного анализа. Несмотря на бесспорные военные успехи России, они стали возможны благодаря целому комплексу факторов, включая эффективную логистику и взаимодействие с местным населением, обладавшим глубокими знаниями о среднеазиатской степи. Осознание этих аспектов позволяет более полно понять механизмы завоевания Российской империи в XIX веке.

Казахи сыграли важную роль в подготовке и проведении Ак-Мечетской экспедиции, предоставляя российскому начальству важные знания о степи и военно-политической ситуации в Кокандском ханстве. Российское военное начальство было в зависимости от знаний коренного населения, что выражалось в тщательном анализе и использовании сведений, предоставленных казахами для выбора оптимального времени и плана военной эк-

спедиции. В связи с этим Ак-Мечетский поход представляет собой яркий пример тесного взаимодействия между имперской властью и местным населением. Поэтому анализ роли казахских информаторов в данном военном походе не только углубляет понимание российского продвижения, но и позволяет переосмыслить традиционные нарративы о завоевании Туркестанского края.

Данная статья не ставит целью детально описывать или анализировать ход военных действий и сражений. Основное внимание сосредоточено на изучении предпосылок взятия Ак-Мечети и роли казахских информаторов в планировании экспедиции российской администрацией. Хотя вопросы логистической поддержки со стороны казахов имели огромное значение, они остаются за рамками данного исследования. Особый акцент сделан на том, как информация, предоставленная казахскими лазутчиками, влияла на военно-политические решения русского командования до и во время военного похода. Важно провести анализ взаимоотношений между имперской администрацией и казахскими элитами, а также определить степень влияния казахских информаторов на успех Ак-Мечетской экспедиции. Основное внимание уделяется механизмам взаимодействия, которые позволили российской стороне эффективно использовать местные знания и сети для достижения своих военно-стратегических целей.

Материалы и методы. Основу работы составили документы из Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), в частности фонды 1441, 1449, 483 и 67. Эти материалы содержат переписку между государственными деятелями и военными чиновниками, что позволило получить детальную информацию о военной экспедиции, включая передвижение войск, стратегические решения и геополитические мотивы, лежавшие в ее основе.

Кроме того, были изучены материалы Центрального государственного архива Республики Казахстан (ЦГА РК) и Государственного архива Оренбургской области (ГАОО). Эти документы раскрывают локальные аспекты российских военных действий, в частности роль казахских информаторов в сборе разведанных. Основное внимание уделено пе-

реписке и отчетам, которыми обменивались российские военные и административные лица. Эти источники помогают глубже понять принимаемые решения, оперативные трудности и механизмы взаимодействия с местным населением. Особую ценность представляют материалы, связанные со слухами и сведениями из среднеазиатских стран, которые дополняют общую картину событий.

Теоретическая основа исследования опирается на критический подход Уильяма Р. Томпсона к концепции военного превосходства (military superiority). Этот подход позволяет пересмотреть традиционный акцент на технологическом и организационном превосходстве, уделяя больше внимания роли местных союзов и их вкладу в успех военных действий.

Анализ. Южный степной фронт в второй четверти XIX в. превратился в важнейший элемент внешнеполитической стратегии Российской империи в Средней Азии. Этот регион приобрел особую значимость в связи с активизацией среднеазиатских ханств, прежде всего Хивинского и Кокандского, а также в силу необходимости укрепления российского влияния на новых рубежах. Одним из важнейших шагов в этом направлении стало основание в 1847 г. Раимского укрепления в устье Сырдарьи. Данное мероприятие не только расширило рубежи империи до среднеазиатских владений, но и создало плацдарм для дальнейшего продвижения вглубь региона. Однако такое соседство неизбежно привело к обострению противоречий между Российской империей и среднеазиатскими ханствами, а также к конфликтам среди местного населения, разделенного между российским подданством и властью хивинских и кокандских правителей [34, р. 34].

К началу 1850-х гг. ситуация на приаралье еще более обострилась. Кокандские гарнизоны, размещенные в крепости Ак-Мечеть, активизировали набеги на казахские аулы, признавшие покровительство России [22, р. 49]. Эти нападения не только подрывали безопасность прифронтовых районов, но и создавали серьезные административные и военные трудности для российской власти, требуя решительных мер для защиты населения и утверждения российского контроля. Однако ситуация осложнялась тем, что как Хива, так и

Коканд категорически отказывались признавать расширение российского присутствия в регионе, рассматривая его как прямое посягательство на свои сферы влияния. Таким образом, борьба за контроль над казахскими кочевьями становилась все острее.

Возвращение Василия Алексеевича Перовского на пост генерал-губернатора Оренбурга в 1851 г. знаменовало собой смену вектора российской политики в степи. Подвергнув критике стратегию своего предшественника Владимира Афанасьевича Обручева, который делал ставку на систему укрепленных линий для подавления казахских восстаний и поддержания контроля над казахской степью, В.А. Перовский указал на ее недостаточную эффективность [32, р. 209]. По мнению главы Оренбургского края, статичные фортификационные сооружения не могли в полной мере предотвратить набеги и гарантировать безопасность казахских кочевий, находившихся под российским покровительством. В качестве альтернативы он предложил использовать мобильные военные подразделения, способные оперативно реагировать на угрозы и обеспечивать контроль над степными пространствами [20, р. 209].

В начале 1852 г. В.А. Перовский пересмотрел свою стратегию, сосредоточив основные усилия на военной экспедиции против кокандских укреплений вдоль Сырдарьи, центральным из которых являлась крепость Ак-Мечеть [16, р. 155]. Это решение было обусловлено сведениями о нарастающей внутренней нестабильности в Кокандском ханстве, где политические противоречия подрывали центральную власть. Одним из первых подтверждений нестабильности стал доклад старшего султана Акмолинского округа, майора Арслана Худаймендина, 20 марта 1852 г. Западно-Сибирскому начальству. В своем донесении А. Худаймендин сообщал о массовых беспорядках в Кокандском ханстве, вызванных казнью девяти видных ходжей, которые обсуждали ослабление власти кипчакской элиты в столице ханства. Это событие спровоцировало конфликт между кокандскими кипчаками и политическими группировками, поддерживавшими Ташкент [10, л. 1-4]. Данная информация оперативно дошла до оренбургской администрации и сыграла решающую роль в

принятии решения о подготовке военной экспедиции на Ак-Мечеть.

Осознавая благоприятные обстоятельства, В.А. Перовский инициировал серию рекогносцировочных операций для изучения оборонительных сооружений Ак-Мечети и определения наиболее удобных маршрутов для возможного наступления. В связи с этим 18 апреля 1852 г. из Аральского укрепления был направлен рекогносцировочный отряд из 80 человек под командованием офицера корпуса топографов, прапорщика Голова. Основной задачей экспедиции являлось обследование правого берега Сырдарьи вверх по течению вплоть до Ак-Мечети. Однако, достигнув урочища Кызыл-Джангл, расположенного в 35 верстах от Ак-Мечети, отряд столкнулся с сопротивлением кокандского гарнизона. Начальник укрепления Ак-Мечеть уведомил Голова о намерении применить силу в случае дальнейшего продвижения русских войск. Учитывая удаленность отрядов от Аральского укрепления, а также следуя строгому предписанию В.А. Перовского избегать боестолкновений, прапорщик Голова принял решение прекратить топографические действия и отступить. В результате миссия завершилась без выполнения поставленных задач [9, л. 16-17].

В то же время параллельно с рекогносцировкой В.А. Перовский активизировал сбор информации о внутривосточной ситуации в Кокандском ханстве, осознавая, что дестабилизация ханства могла способствовать успешному проведению наступательных действий. В итоге начальнику Оренбургской пограничной комиссии Михаилу Васильевичу Ладыженскому было поручено организовать тщательный сбор информации о «молве», распространявшейся в казахской степи относительно междоусобных конфликтов в Кокандском ханстве. В условиях отсутствия официальных дипломатических каналов основными источниками информации выступали торговые караваны, которые перемещались между Ташкентом и Оренбургом, а также сеть казахских агентов. Уже к 24 мая 1852 г. М.В. Ладыженский представил В.А. Перовскому подробное донесение, в котором сообщил о принятых мерах по организации разведывательной деятельности в Казахской степи. В частности, он поручил султанам-правителям сред-

них и восточных частей оренбургских казахов направить «благонадежных ордынцев» в качестве лазутчиков с целью сбора сведений о политической обстановке в Кокандском ханстве. Согласно полученной информации, основной причиной дестабилизации ханства стали репрессии против нескольких видных туркестанских ходжей, включая муфтия, которые были казнены по приказу Мусульманкула (главой кокандского войска и фактическим правителем ханства при молодом Худояр-хане) за попытку перейти под покровительство Бухары. Эти события спровоцировали обострение конфликта между кокандской и ташкентской элитами, в результате чего к моменту составления донесения войска Мусульманкула уже осадили Ташкент [24, л. 4-5 г.].

Информация о внутреннем кризисе в Кокандском ханстве и усилении конфликтов между кипчакской знатью играла ключевую роль для Оренбургской администрации при подготовке к военному походу. В.А. Перовский понимал, что обострение междоусобной борьбы среди правящих элит отвлекает внимание ханства и создает выгодные условия для реализации российских планов. В этой связи он без промедления инициировал организацию новой военной экспедиции. Уже в мае 1852 г., менее чем через месяц после первой рекогносцировочной экспедиции, В.А. Перовский распорядился направить к Ак-Мечети новый экспедиционный отряд под командованием корпусного обер-квартирмейстера, полковника Ивана Федоровича Бларамберга. Главной задачей миссии являлось детальное изучение маршрута от Аральского укрепления до кокандской крепости, а также подготовка к возможной осаде. В случае успешного продвижения Бларамбергу предписывалось уничтожить крепость, поскольку ее существование препятствовало реализации проекта Петербурга по соединению Сибирской линии с укреплениями на Сырдарье [9, л. 17-18 г.].

Однако данный план не был реализован в полной мере. Несмотря на тщательную подготовку, экспедиция столкнулась с нехваткой осадного оборудования, что значительно ограничило ее штурмовые возможности. Попытка взять Ак-Мечеть завершилась неудачей, русские войска понесли потери и были вынуждены отступить. Тем не менее, даже несмотр-

ря на провал осады главной крепости, Бларамбергу удалось разрушить ряд мелких кокандских укреплений и составить карту маршрута [32, с. 216].

После неудачи Бларамберга генерал-губернатор В.А. Перовский начинает подготовку к новой, но более масштабной военной экспедиции. Подчеркивая стратегическое значение Ак-Мечети как важного опорного пункта для закрепления российского контроля над Сырдарьей и дальнейшей интеграции казахской степи в состав империи, в письме военному министру, направленном в августе 1852 г., В.А. Перовский сформулировал две взаимодополняющие цели, обосновывавшие необходимость нового военного похода. Во-первых, он предлагал определить наиболее благоприятные территории вдоль нижнего течения Сырдарьи, пригодные для русского заселения. Во-вторых, выдвигал идею развития торговых отношений с Кокандским ханством, опираясь на экономический потенциал региона. В своем обосновании он ссылался на наличие в этих землях природных ресурсов, в частности лесных массивов, подходящих для строительства и судостроения, а также плодородных пастбищ, способствующих развитию животноводства [9, л. 32-33]. Однако представленные экономические аргументы носили, по сути, инструментальный характер, призванный убедить императорский двор в необходимости следующего военного наступления на Ак-Мечеть.

Несмотря на обоснованность доводов В.А. Перовского, император Николай I проявил осторожность и не торопился санкционировать новый военный поход. В официальном ответе подчеркивалась необходимость тщательной подготовки: «приступить к новой экспедиции, не обеспечив предварительно способов, которые доставили нам несомненную возможность успеха» [9, л. 38]. Однако В.А. Перовский продолжал настойчиво продвигать свою инициативу, рассматривая политическую нестабильность в Кокандском ханстве как уникальное окно возможностей для расширения российского влияния. В письме от 25 сентября 1852 г., адресованном товарищу министра иностранных дел, он вновь изложил стратегические и экономические обоснования экспедиции, подчеркивая, что внутренние конфликты в Кокан-

де открывают перспективу установления контроля над Сырдарьей и ослабления кокандского влияния на казахские родоплеменные группы [4, л. 77-78].

К осени 1852 г. сведения, поступившие от купцов, прибывших с караваном из Ташкента, указывали на прекращение военных действий между ташкентцами и кокандцами, однако сохранялась высокая вероятность возобновления конфликта [11, л. 13].

В свете этой информации в январе 1853 г. В.А. Перовский представил военному министру новое прошение о проведении военной экспедиции. В своем проекте он аргументировал необходимость похода устранением набегов со стороны кокандских и хивинских укреплений и стабилизацией положения среди оренбургских казахов. Он подчеркивал, что военная экспедиция будет способствовать развитию скотоводства, улучшению благосостояния местного населения и увеличению государственных доходов через сбор податей. Кроме того, генерал-губернатор акцентировал внимание на экономическом потенциале Сырдарьи, отмечая, что контроль над этим регионом откроет новые возможности для торговли с ханствами Средней Азии [23, л. 3]. Вероятно, эти доводы, а также ослабленное положение Кокандского ханства оказались достаточно убедительными, и император дал согласие на проведение военной экспедиции, но с важной оговоркой: «брать неприятельское укрепление только с достаточной уверенностью, что и сил, и способов на то предполагаемых достаточно» [27, л. 1].

После получения высочайшего одобрения перед В.А. Перовским встала задача сбора актуальных сведений о положении в Кокандском ханстве. Для успешного проведения военного похода Оренбургская администрация придавала первостепенное значение изучению системы кокандских укреплений вдоль Сырдарьи, а также оценки внутренней военно-политической ситуации в ханстве. В отчете военному министру от 7 марта 1853 г. В.А. Перовский доносил, что конкретный план военной экспедиции будет сформирован на основе сведений, собранных в ходе подготовки. Он признавал: «Я еще не составил себе никакого положительного плана действий. Однако направление делу дадут те местные сведения,

кои будут собраны в Аральске к моему туда прибытию. Сведения эти, по всей вероятности, изменят во многом все, что не было бы предначертано заранее и вдалеке от мест, где должен действовать экспедиционный отряд» [27, л. 4].

Зависимость Оренбургской администрации от местных источников информации была очевидна, поскольку казахские лазутчики могли проникать в стан противника. В связи с этим значительную роль в организации разведывательной деятельности играли казахские султаны-правители и влиятельные родоправители, делегировавшие доверенных лиц для сбора сведений и слухов. Эти агенты осуществляли наблюдение не только в пограничных районах, но и в глубинных территориях Кокандского ханства и других соседних ханств. Как отмечает Г. Султангалиева, администрация Оренбурга стремилась наладить контакты среди представителей местного населения – от казахской знати до рядовых кочевников – с целью привлечения лояльных к имперской власти лиц к выполнению разведывательных поручений. Особенно значимой была деятельность этих неформальных агентов в периоды политической нестабильности, когда они могли передавать сведения из лагеря противников Российской империи [31, р. 85].

В преддверии военной экспедиции против Ак-Мечети первичные разведывательные сведения, собранные казахскими лазутчиками вблизи мест их кочевий, передавались начальникам Уральского и Аральского укреплений, а затем поступали в Оренбургскую пограничную комиссию, выполнявшую роль посредника между казахской знатью и имперской администрацией. Однако к началу 1853 г. этот процесс оставался неструктурированным, а поступающие данные зачастую не соответствовали оперативным потребностям оренбургских властей. В связи с этим Пограничная комиссия инициировала разработку систематизированного подхода к сбору информации. В рамках оптимизации разведывательной деятельности была подготовлена специальная программа, включавшая тринадцать детально сформулированных вопросов, по которым лазутчики должны были ориентироваться при выполнении заданий. Основное внимание уделялось числен-

ности кокандского гарнизона в Ак-Мечети, состоянию ее укреплений, а также общей военно-политической ситуации в Кокандском ханстве [6, л. 14-17].

В соответствии с новой программой 12 марта 1853 г. начальник Оренбургской пограничной комиссии Михаил Ладыженский направил секретное предписание начальнику 53-й киргизской дистанции есаулу султану Сулейману Джигангерову: «Избрав из подведомственных Вам ордынцев самого ловкого, смышленного и известного своей преданностью киргиза [казаха], послать его к кочующим по направлению Сыра и при Ак-Мечети ордынцам под благовидным предлогом для разведывания о положении дел на Сыре и в Коканде, сообразно прилагаемой к сей программе. Содержание ее Вы обязываетесь толковать посланцу как можно понятнее, не давая, впрочем, ему в руки никакой письменной инструкции. Генерал-губернатор, весьма интересующийся кокандскими делами и положением их на Сыр-Дарье, особенно в Ак-Мечети, щедро вознаграждает за доставку ценных сведений. Без всякого сомнения, не останется без награды и посланный Вами человек, если поручение будет выполнено успешно. Вы должны снабдить его всем необходимым для поездки и немедленно доложить мне о результатах с пометкой “по секрету, в собственные руки”» [10, л. 209-210].

К этому времени некоторые казахские султаны уже начали направлять своих лазутчиков в соответствии с новой программой сбора сведений. Так, в письме от 31 марта 1853 г. султан-правитель Восточной части орды Мухаммед Джантурин сообщал начальнику пограничной комиссии: «Я отобрал опытного и надежного киргиза [казаха] для сбора сведений о кокандских войсках и общей ситуации в окрестностях Сырдарьи и Ак-Мечети. По его возвращении я представлю детальный отчет» [10, л. 255].

Но одним из наиболее активных участников разведывательной деятельности в пользу российской администрации был глава чумекеевского рода, султан Илекей Касымов. Его влияние среди казахов, кочевавших вдоль Сырдарьи, было столь велико, что он играл важную роль в формировании их лояльности к Российской империи. Отличаясь исключи-

тельной исполнительностью, он регулярно снабжал Оренбургскую администрацию детализированными отчетами о положении в степи и Кокандском ханстве. В частности, 8 января 1853 г. султан Илекей направил в Пограничную комиссию развернутый доклад о ситуации вокруг Ак-Мечети [10, л. 55-56]. В том же месяце лазутчик, отправленный им в крепость, доложил, что гарнизон насчитывает 1 500 вооруженных стрелков, а в хивинской крепости Ходжа-Нияз дислоцировано 200 человек, при этом в ближайшее время ожидалось прибытие еще 500 стрелков по приказу хивинского хана [10, л. 21-21 г.].

Несмотря на регулярные разведывательные отчеты, поступавшие от казахских лазутчиков, оренбургская администрация столкнулась с серьезной проблемой, что высокая степень зависимости от этих данных сопровождалась их значительной неоднородностью. Большая часть информации либо повторяла уже известные сведения, либо содержала явные противоречия. Отдельные разведывательные сводки, поступавшие от различных источников, существенно различались по деталям и оценке военной обстановки, что затрудняло формирование четкой картины ситуации [8, л. 23].

Поэтому, по мере приближения момента начала военной экспедиции, встала острая необходимость в получении точных и проверенных сведений о ситуации в среднеазиатских ханствах, особенно в Кокандском. Важным вопросом стало понимание того, удалось ли восстановить стабильность в ханстве или же внутренний раскол продолжал угрожать его целостности. Однако неэффективность существовавших методов сбора информации, основанных на противоречивых и зачастую недостоверных данных, выявила необходимость кардинального пересмотра подходов к организации разведывательной деятельности. Осознавая эту проблему, В.А. Перовский пришел к выводу о необходимости систематизации и верификации разведывательной информации. Он предложил назначить специального чиновника, который бы отвечал за отбор достоверных сведений и предотвращение распространения непроверенных слухов. После тщательного поиска кандидатуры выбор пал на чиновника Азиатского департамента Ми-

нистерства иностранных дел Иосифа Осмоловского [6, л. 4].

Выбор И. Осмоловского на столь ответственный пост отнюдь не был случайным. Его значительный опыт взаимодействия с казахскими родоплеменными элитами, глубокое знание их традиций и обычаев, а также владение восточными языками делали его идеальным кандидатом для выполнения этой задачи. В письме генерал-майора Ладыженского Оренбургскому генерал-губернатору от 31 марта 1853 г. особо подчеркивались профессиональные качества И. Осмоловского, включая его пятилетний опыт жизни среди кочевых сообществ, что позволило ему приобрести уникальные знания о местных нравах и обычаях [6, л. 4].

Вскоре, в марте 1853 г., И. Осмоловский выехал из Оренбурга в казахскую степь с задачей собрать актуальные сведения среди кочевых аулов и установить контакты с influential представителями казахской элиты, в первую очередь с батырами младшего жуза Джанкожом Нурмухамедовым и Исетом Кутибаровым, а также с султаном Илекеем Касымовым [18, р. 543]. Последнему уделялось особое внимание в поручениях, данных И. Осмоловскому. Начальник Оренбургской пограничной комиссии, опираясь на предыдущие донесения Илекея и зная о его влиянии среди казахов, прямо указывал И. Осмоловскому: «Сближение с Илекеем и приобретение его уважения и благосклонности... облегчит для Вас предстоящий труд – собрание свежих и достоверных сведений» [6, л. 9]. Таким образом, установление доверительных отношений с султаном Илекеем рассматривалось как первостепенная задача.

Уже 13 апреля 1853 г. И. Осмоловский сообщил В.А. Перовскому о своем прибытии в Уральское укрепление, выбранное им в качестве опорного пункта для сбора сведений. Этот выбор был обусловлен близостью к кочевьям султана Илекея и удобством для координации дальнейших действий. Спустя неделю, 20 апреля, И. Осмоловский направил в Оренбург первый подробный отчет под заголовком «Записки киргизов о событиях в Хиве и Коканде». Этот отчет, основанный на информации, полученной от казахских лазутчиков, содержал оценку текущей политической и во-

енной обстановки в среднеазиатских ханствах. И. Осмоловский отмечал, что, несмотря на циркулировавшие слухи о возможном союзе Хивы и Коканда против России, достоверных подтверждений подготовки совместного военного выступления обнаружено не было. Вместе с тем он указывал на активные усилия кокандцев по укреплению своих позиций вдоль Сырдарьи, а также на их попытки заручиться поддержкой хивинцев в случае возможного продвижения российских войск [10, л. 289-294]. Эти сведения, хотя и не подтверждали непосредственной угрозы, требовали повышенного внимания со стороны оренбургской администрации.

Информация, переданная И. Осмоловским, заставила В.А. Перовского проявить особую бдительность. Осознавая потенциальную опасность союза Хивы и Коканда, он понимал, что такой альянс мог серьезно осложнить проведение запланированной военной экспедиции. В связи с этим в письме военному министру В.А. Перовский изложил возможные сценарии развития событий и предложил меры противодействия. В случае нападения хивинцев его план предусматривал переправу войск на правый берег Сырдарьи, захват хивинской крепости Ходжа-Нияз и последующее наступление на Ак-Мечеть. Император Николай I, одобряя меры предосторожности, отметил, что лучшим способом обеспечить безопасность экспедиции было бы формирование особого легучего отряда для наблюдения за хивинцами с наиболее вероятных направлений их появления. Однако относительно переправы войск через Сырдарью император выразил сомнения, считая эти действия крайне затруднительными [27, л. 7-8].

В.А. Перовский, опасаясь возможного союза Хивы и Коканда, столкнулся с множеством противоречивых разведывательных донесений, поступавших от казахских лазутчиков. Особую сложность вызывали сведения о ситуации в Ак-Мечети, которые зачастую противоречили друг другу, что затрудняло формирование окончательных выводов [27, л. 7]. Осознавая угрозу внезапного нападения, способного кардинально изменить ход экспедиции, В.А. Перовский предпринял ряд дипломатических шагов. В апреле 1853 г. он направил письмо хивинскому мехтеру Якубу Юсу-

фу, в котором заверял в мирных намерениях России, подчеркивая, что военный поход направлен исключительно против кокандских укреплений. Одновременно он предупредил, что любое вмешательство Хивы будет расценено как враждебный акт с соответствующими последствиями [10, л. 274]. Однако, понимая, что дипломатические меры не могут полностью исключить риск нападения, В.А. Перовский распорядился усилить разведывательные и оборонительные меры в степи.

В ответ на потенциальную угрозу со стороны хивинцев и поддерживаемых ими некоторых родов младшего жуза, 22 мая 1853 г. оренбургское командование поручило Управляющему Восточной частью Орды сформировать дополнительный казахский отряд численностью не менее 100 человек. В его состав следовало отобрать наиболее надежных, отважных и хорошо вооруженных казахов, способных действовать в условиях степи. Особое внимание уделялось подбору сметливых казахов в лазутчики, обладавших знанием местности и способностью быстро добывать достоверную информацию. Им предписывалось вести постоянное наблюдение за обстановкой, регулярно передавая сведения начальникам укреплений и транспортных команд, что обеспечивало бы оперативное реагирование на возможные угрозы [5, л. 17].

Несмотря на изначальную настороженность русского командования к сведениям, поступавшим от казахских лазутчиков, практика показала их полезность. В ходе экспедиции лазутчики регулярно сообщали о военной обстановке в кокандских крепостях, что позволяло русскому командованию оперативно корректировать свои планы. Так, 28 мая, когда отряд остановился на ночлег у устья реки Талдык по Иргизу, поступило донесение от лазутчика Бишбая, направленного султаном Илекеем в Ак-Мечеть. Он сообщил, что гарнизон крепости насчитывает 300 мергенов (стрелков), ожидается прибытие еще 700 человек, а в крепости имеются две крупные пушки и три малых орудия типа «китайча», перевозимые на двухколесных телегах [8, л. 4 г.]. Данные о численности защитников и вооружении укрепления впоследствии подтвердились тем, что после взятия Ак-Мечети стало очевидно, что крепость защищали около

300 кокандских стрелков, а также в наличии было 2 единорога и 3 фальконета [18, р. 556].

Особого внимания заслуживает деятельность казахских лазутчиков, которые не только проникали в стан противника, но и активно распространяли дезинформацию. Как выяснилось позже, малочисленность защитников Ак-Мечетского гарнизона была напрямую связана с действиями этих информаторов. За два месяца до наступления русских войск кокандцы, вероятно, получили от своих информаторов сведения о подготовке экспедиции, так как русские уже спустили пароход на воду в Аральском укреплении. Ожидая скорого наступления, командование Ак-Мечети отправило срочное послание в Ташкент с просьбой о подкреплении. В ответ в крепость прибыл дополнительный отряд из 70 стрелков [8, л. 37]. Однако Оренбургская администрация, используя своих лазутчиков, продолжала распространять ложные сведения, чтобы ввести противника в заблуждение. Особенно активно в этом участвовали агенты султана Илекея, которые поддерживали контакт с наместником Ак-Мечети. Во время одного из таких визитов лазутчик сообщил наместнику, что султан Илекей отказался предоставлять русским верблюдов для транспортировки. На вопрос о планах российской армии лазутчик ответил, что из-за нехватки транспорта наступление, скорее всего, не состоится. За это донесение лазутчик получил в награду халат, а наместник отправил гонца в Коканд с сообщением, что русские, вероятно, в этом году не начнут наступление [8, л. 19]. В результате большая часть кокандского гарнизона покинула крепость, оставив в ней около 300 стрелков. Из четырех казахских юзбашей, находившихся в крепости, трое – Бекбау, Кулбай и Канлыбай – ушли в свои кочевья, оставив оборону Ак-Мечети под командованием единственного оставшегося командира, каракалпака Лефеса [15, р. 310]. Таким образом, благодаря умелым действиям лазутчиков, русское командование смогло значительно ослабить оборону противника еще до начала активных боевых действий.

Помимо дезинформации лазутчики также сообщали о настроениях сырдарьинских казахов в отношении продвижения русских войск к Ак-Мечети. Эти сведения были край-

не важны для русских, так как позволяли оценить, как местное население воспринимает российское продвижение. Один из лазутчиков отметил в своем сообщении, что большинство казахов желают взятия Ак-Мечети и свержения кокандской власти, что обеспечило бы им защиту от притеснений со стороны Коканда. Некоторые даже выражали готовность зимовать в этом районе, особенно сырдарьинские казахи Джаппаского рода. Лазутчик сообщил, что казахи уже не могут скрывать своей поддержки русских, так как всем известно об их содействии и оказании услуг русскому начальству при передвижении отрядов [10, л. 409].

Однако, несмотря на активное содействие казахской родовой знати в подготовке и проведении военной экспедиции, далеко не все казахи демонстрировали лояльность по отношению к российской администрации. Некоторые представители степной элиты открыто противостояли военному походу, что показывало сложность и неоднозначность политической ситуации в казахской степи. Особенно выделялся своей антироссийской позицией влиятельный батыр Исет Кутебаров из рода Шекты. Несмотря на официальные распоряжения российских властей, требовавших оказать содействие в предоставлении верблюдов для транспортировки военных грузов в степные укрепления, Исет предпочел удалиться вглубь степи вместе со своим аулом, избегая прямого сотрудничества с экспедиционным отрядом [15, р. 301].

Тем не менее поток разведывательных сведений от казахских лазутчиков не прекращался даже в ходе самой экспедиции. С момента выхода военного контингента из Оренбурга В.А. Перовский регулярно получал отчеты от И. Осмоловского и казахских родовых правителей, которые освещали нарастающий политический кризис в Кокандском ханстве. Ценные сведения о ходе экспедиции на Ак-Мечеть сохранились в путевом дневнике Искандера Батыршина, переводчика Оренбургской Пограничной Комиссии, сопровождавшего русский отряд. Его записи представляют собой уникальный источник, в котором тщательно зафиксированы события похода, включая встречи В.А. Перовского с представителями местных элит. И. Батыршин отмечал, что казахские правители и старейшины

встречали В.А. Перовского в степных укреплениях в ходе похода, предоставляя ему отчеты о выполненных поручениях и собранную информацию. За содействие в предоставлении транспортных животных и сборе информации Оренбургская администрация стремилась укрепить отношения с лояльными казахскими лидерами, вознаграждая их деньгами и ценными подарками [15, р. 301].

По мере поступления информации становилось очевидным, что власть в ханстве была серьезно дестабилизирована, а его руководство, погруженное в междоусобные конфликты, не способно организовать эффективное сопротивление российскому наступлению. В частности, в июле 1853 г., уже во время осады Ак-Мечети, стали поступать сведения о новом витке борьбы за власть между Худояр-ханом и его старшим братом Маллабеком, наместником Ташкента. В своем донесении в Министерство иностранных дел, написанном под стенами Ак-Мечети, В.А. Перовский подробно описал внутривосточную ситуацию в Коканде: «Что касается положения дел в Кокандских владениях, то, по полученным в последнее время известиям, оно самое для нас выгодное. Сказывают, что правитель Ташкентской области Меллибек, родной и даже старший брат хана Кокандского Худояра, только от другой матери, задумал сделаться независимым, и вследствие того жители Ташкента разделились на две стороны: одна остается верной хану, а другая держит руку правителя» [8, I. 26 г. – 27]. Эти сведения были получены от казахов, сопровождавших экспедиционный отряд, которые расспросили каракалпака по имени Баймен Иляманов, проживавшего в окрестностях Бирказана (приток Сырдарьи близ Ак-Мечети). Б. Иляманов, недавно вернувшийся из Туркестана, где он находился по торговым делам, предоставил информацию о внутривосточной ситуации в Кокандском ханстве [8, I. 30]. Эти разгорающиеся внутренние распри окончательно убедили В.А. Перовского в том, что осажденная крепость не получит значительных подкреплений из Коканда, поскольку правящая верхушка ханства была полностью поглощена борьбой за власть.

К июлю 1853 г. российские войска, насчитывавшие 2 252 пехотинца, 97 офицеров и 200 казахов под командованием султана Иле-

кея, подошли к стенам Ак-Мечети [16, р. 218]. Гражданская война в Кокандском ханстве позволила русскому командованию выработать осторожную и методичную стратегию осады, которая продлилась 26 дней (самой продолжительной осадой крепости в сравнении с другими в Средней Азии). Однако, несмотря на нестабильность ханства, российские войска столкнулись с рядом дополнительных вызовов. 16 и 19 июля 1853 г. в лагерь В.А. Перовского под Ак-Мечеть прибыли казахские лазутчики, направленные ранее султаном Илекеем Касымовым в Туркестан. Они доставили сведения о том, что ташкентский наместник Маллабек сумел собрать небольшой отряд с целью направить подкрепление осажденному гарнизону крепости. Согласно их донесениям, из Ташкента выступил отряд численностью около 60 человек во главе с Мырза Даулетом. Достигнув Туркестана, командир отряда обратился к местным казахским старшинам с просьбой о военной поддержке. Казахские родовые лидеры, заявив, что не имеют оружия и не могут воевать против «сильных» русских войск, отказали в помощи и перекочевали в предгорья Каратау. Несмотря на это, в Туркестане ему удалось мобилизовать отряд численностью до 200 человек, который выступил в направлении Ак-Мечети. Однако на полпути к крепости Маллабек внезапно отозвал войска в связи с наступлением бухарской армии на Ура-Тюбе и две другие кокандские крепости, предпринятым по приглашению Худояр-хана [8, I. 34-36]. Эти события окончательно убедили русское командование в том, что Кокандское ханство, раздираемое внутренними конфликтами и внешними угрозами, не сможет оказать помощь защитникам Ак-Мечети.

Вероятно, сложившаяся ситуация в ханстве, усугубленная борьбой за власть между братьями и угрозой со стороны Бухары, вынудила ташкентского наместника сосредоточить усилия на защите Ташкента. Осознавая превосходство российских войск как в численности, так и вооружении, Маллабек предпочел сохранить свои силы для предстоящего противостояния с Худояр-ханом, полагая, что внутривосточная борьба представляет для него куда большую опасность, чем падение Ак-Мечети. Позднее кокандские хроники от-

мечали, что, несмотря на отчаянное положение гарнизона, ни сам Худояр-хан, ни ташкентский правитель, погруженные в междоусобные конфликты, не смогли организовать эффективную помощь осажденной крепости. Источники связывают поражение под Ак-Мечетью прежде всего с политическими интригами Маллабека, который, преследуя собственные интересы, пренебрег обороной Дашт-и-Кыпчака и его главного опорного пункта [1, р. 226].

Тем не менее В.А. Перовский с осторожностью относился к сведениям об отступлении кокандских войск, осознавая их возможную ненадежность. Чтобы нейтрализовать потенциальные угрозы, 21 июля 1853 г. он приказал летучему отряду под командованием генерал-майора Ивана Васильевича Падурова перехватить ожидаемые кокандские подкрепления и уничтожить ближайшую кокандскую крепость Джулек, расположенную в 150 верстах от Ак-Мечети. Не доходя нескольких верст до Джулека, командир отряда получил от казахского информатора сообщение о том, что гарнизон крепости, насчитывавший около 40 человек, узнав о приближении русских, поспешно бежали в сторону Туркестана, оставив имущество и даже оружие. В результате русский отряд без значительного сопротивления разрушил оборонительные сооружения крепости и 23 июля вернулся к Ак-Мечети, успешно выполнив поставленную задачу [12, л. 212 г. – 214 г.].

В итоге, 29 июля 1853 г., после успешного штурма Ак-Мечети, В.А. Перовский направил императору донесение о взятии крепости [28, л. 1]. Он оценивал численность гарнизона примерно в 400 человек, включая женщин и детей. После ожесточенного сопротивления в плен было взято лишь 74 кокандских стрелков, большинство из которых были тяжело ранены. Остальные защитники погибли под артиллерийским огнем, при обрушении укреплений или в рукопашной схватке во время прорыва русских войск. В том же отчете В.А. Перовский представил данные о российских потерях: 9 нижних чинов погибли, 46 офицеров и солдат получили ранения [11, л. 17-17 г.]. Несмотря на эти потери, военная экспедиция была признана успешной, обеспечив закрепление российского контроля над Ак-Мечетью.

В конечном итоге император, признавая значимость завоевания, издал указ о награждении всех участников экспедиции. В соответствии с этим распоряжением, офицерам и солдатам, принимавшим участие в походе, было выплачено годовое жалование сверх установленного оклада. Предложения генерал-губернатора В.А. Перовского о поощрении отличившихся были полностью одобрены Петербургом, а крепость Ак-Мечеть была переименована в форт Перовский. В общей сложности было вручено 117 наград, из них 36 офицеров получили ордена и золотые сабли, 67 были произведены в новые чины, а 14 удостоились денежных вознаграждений. Кроме того, нижним чинам, проявившим особую доблесть, было роздано 50 знаков отличия военного ордена, а также 12 аналогичных знаков, учрежденных специально для мусульман [16, р. 217].

Особое внимание было уделено казахам, чей вклад в успех экспедиции оказался значительным. Те, кто непосредственно участвовал в боевых действиях в составе русского отряда, а также лазутчики, предоставлявшие важные разведывательные сведения, были отмечены различными наградами. Согласно архивным документам, в декабре 1853 г. Оренбургский и Самарский генерал-губернатор распорядился о поощрении казахских участников похода. В частности, казахам, оказавшим содействие русским войскам, были пожалованы серебряные медали на Аннинской ленте «За усердие», серебряные рожки, а также значительные денежные выплаты. Среди награжденных числились представители различных казахских родов, включая бия Кузенева Искенина, который получил 50 рублей серебром и суконный кафтан за своевременно переданные разведывательные сведения о положении дел на Сырдарье. Подобные награды также были вручены старшинам, султанам и влиятельным биям, проявившим лояльность к русской администрации [7, л. 36].

Результаты. Статья объясняет, что успех военной экспедиции против Ак-Мечети в 1853 г. был бы невозможен без активного участия и поддержки казахской элиты, сыгравшей основную роль в сборе сведений о политической ситуации в Кокандском ханстве и обороноспособности крепости. Вся экспедиция строилась на непрерывном потоке сведе-

ний и слухов, поступавших через казахских лазутчиков, что позволяло российским властям принимать обоснованные решения на каждом этапе наступательных действий.

Как свидетельствуют источники, казахи стали основным, а зачастую и единственным источником информации для российской администрации. Так как, благодаря своей способности свободно перемещаться по степи и проникать на среднеазиатские владения, казахские информаторы могли собирать сведения, не вызывая подозрений. Даже данные, основанные на слухах, зачастую оказывались чрезвычайно ценными. Подробные сведения о военно-политической ситуации в Кокандском ханстве, численности гарнизона Ак-Мечети, его вооружении и состоянии укреплений, а также о действиях сред-

неазиатских ханств позволили российским войскам тщательно спланировать экспедицию, выбрать оптимальное время для наступления и подготовиться к осаде с учетом возможных трудностей. Это помогло минимизировать потери и в успешном взятии крепости.

Данное исследование свидетельствует о том, что в российских военных походах для достижения таких целей, как территориальные завоевания, обеспечение логистики и сбор разведанных, империя систематически опиралась на сотрудничество с местным населением. Лояльные казахские элиты нередко играли важную роль в обеспечении защиты военных экспедиций, охране транспортных караванов и, что наиболее важно, в предоставлении информации российскому руководству.

REFERENCES

1. Babajanov B.M. *Kokandskoje khanstvo: vlast, politika, religija* [The Khoqand Khanate: Power, Politics, Religion]. Tokyo; Tashkent, Yangi Nashr, 2010. 744 p.
2. Beisembijev T.K. "Ta'rikh-i Shahrukhi" kak istoricheskij istochnik ["Ta'rikh-i Shahrukhi" as a Historical Source]. Alma-Ata, Nauka Publ., 1987. 198 p.
3. Campbell Ian W. *Knowledge and the Ends of Empire: Kazak Intermediaries and Russian Rule on the Steppe, 1731–1917*. Ithaca; London, Cornell University Press, 2017. 288 p.
4. Delo o denezhnom voznagrazhdenii Kliuchareva za ustanovlenije torgovykh otnoshenij so stranami Srednej Azii i dostavljenije tsennykh svedenij o Kokande i Tashkente [Case on Financial Reward to Klyucharev for Establishing Trade Relations with Central Asian States and Delivering Valuable Information on Kokand and Tashkent]. *Gosudarstvennyy arkhiv Orenburgskoy oblasti* (GAOO) [State Archive of the Orenburg Region], f. 6, inv. 10, d. 6590a, l. 77-78.
5. Delo o dvizhenii sultana-pravitelja Vostochnoj chasti ordy v glubinu stepi s dvukhsotennym otrjadom [Case on the Movement of the Sultan-Ruler of the Eastern Horde with a 200-Man Detachment]. *GAOO* [State Archive of the Orenburg Region], f. 6, inv. 10, d. 6813, l. 17.
6. Delo o komandirovanii tituljarnogo sovetnika Osmolovskogo v Aralskoje ukreplenije dlja sobranija svedenij o dejstvijakh pri syrdarjinskikh sosedjakh nashikh [Case on the Assignment of Titular Counselor Osmolovsky to the Aral Fortification to Gather Information on Activities of Syr Darya Neighbors]. *GAOO* [State Archive of the Orenburg Region], f. 6, inv. 10, d. 6798, l. 4, 9, 14-17.
7. Delo o nagrazhdenii kazakhov-uchastnikov ekspeditsii protiv Kokandskogo khanstva [Case on the Rewarding of Kazakh Participants in the Expedition Against the Kokand Khanate]. *Tsentralnyy gosudarstvennyy arkhiv Respubliki Kazakhstan* (TsGA RK) [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan], f. 4, inv. 1, d. 2725, l. 36.
8. Delo o proisshestvijakh v kirgizskoj stepi i sredneaziatskikh oblastjakh [Case on Events in the Kyrgyz Steppe and Central Asian Regions]. *Rossiyskiy gosudarstvennyy voyenno-istoricheskogo arkhiva* (RGVIA) [Russian State Military Historical Archive], f. 1441, inv. 1, d. 219, l. 4 r., 19, 23, 26 r.-27, 30-37.
9. Delo o rekognostsirovke r. Syr-Darji i unichtozhenii russkimi vojskami kokandskikh ukreplenij [Case on the Reconnaissance of the Syr Darya River and the Destruction of Kokand Fortifications by Russian Troops]. *RGVIA* [Russian State Military Historical Archive], f. 483, inv. 1, d. 30, l. 16-18, 32-33, 38.
10. Delo o slukhakh i sobytijakh v Srednej Azii [Case on Rumors and Events in Central Asia]. *TsGA RK* [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan], f. 4, inv. 1, d. 3628, l. 1-4, 21-21 r., 55-56, 209-210, 255, 274, 289-294, 409.
11. Delo o volnenijakh i vosstanijakh v Kokandskom khanstve, vosstanii zhitelej Tashkenta protiv kipchakov [Case on Disturbances and Uprisings in the Kokand Khanate and the Uprising of the Residents of Tashkent Against the Kipchaks]. *RGVIA* [Russian State Military Historical Archive], f. 1449, inv. 1, d. 12, l. 13, 17-14 r.

12. Delo o zanjatiji Kokandskoj krepости Ak-Mechet [Case on the Seizure of the Kokand Fortress Ak-Mechet]. *RGVIA* [Russian State Military Historical Archive], f. 1441, inv. 1, d. 58, l. 212-214 r.
13. E. U. Stepnaja voina v Turkestanskom kraje [Steppe War in the Turkestan Region]. *Vojennyj sbornik*, 1880, no. 7, pp. 69-95.
14. Glushchenko E.A. *Rossija v Srednej Azii: zavojevanija i preobrazovanija* [Russia in Central Asia: Conquests and Transformations]. Moscow, LitRes, 2010. 337 p.
15. *Istorija Kazakhstana v dokumentakh i materialakh: almanakh* [History of Kazakhstan in Documents and Materials. Almanac], vol. 2. Astana, TOO "Obshchestvo invalidov – Chernobylec", 2012. 438 p.
16. Maksheev A.I. *Puteshestvija po kirgizskim stepjam i Turkestanskomu kraju* [Travels Through the Kyrgyz Steppes and the Turkestan Region]. Saint Petersburg, Voen. tip., 1896. 257 p.
17. Mariutkin V.V. Pokhod V.A. Perovskogo na Ak-Mechet v 1853 godu [V.A. Perovskii's Campaign Against Ak-Mechet in 1853]. *Izvestija Saratovskogo universiteta*, 2022, vol. 22, no. 4, pp. 436-442. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-4-436-442>
18. Lobov N.G., ed. *Materialy po istoriko-statisticheskomu opisaniju Orenburgskogo kazach'ego vojska* [Materials on the Historical and Statistical Description of the Orenburg Cossack Army], vol. 11. Orenburg, Typo-Litografiya B.A. Breslina, 1913. 656 p.
19. Mikhailov A.A. *Pervyy brodok na jug* [The First Dash to the South]. Moscow, ACT; Saint Petersburg, Severo-Zapad Press, 2003. 429 p.
20. Morrison A. *The Russian Conquest of Central Asia: A Study in Imperial Expansion, 1814–1914*. Cambridge, Cambridge University Press, 2020. 640 p. DOI: 10.1017/9781139343381
21. Morrison A. Camels and Colonial Armies: The Logistics of Warfare in Central Asia in the Early 19th Century. *Journal of the Economic and Social History of the Orient*, 2014, vol. 57, no. 4, pp. 443-485. DOI: <https://doi.org/10.1163/15685209-12341355>
22. Nabiev R.N. *Iz istorii Kokandskogo khanstva* [From the History of the Kokand Khanate]. Tashkent, FAN, 1973. 388 p.
23. O zanjatiji Nizovjev reki Syr-Dar'ji [On the Occupation of the Lower Reaches of the Syr Darya River]. *RGVIA* [Russian State Military Historical Archive], f. 1441, inv. 1, d. 56, l. 3.
24. Ob umershchvlenii v Turkestane potomkov Azret Sultana [On the Killing of the Descendants of Azret Sultan in Turkestan]. *GAOO* [State Archive of the Orenburg Region], f. 6, inv. 10, d. 6665, 14-5 r.
25. Parker G. *The Military Revolution: Military Innovation and the Rise of the West, 1500–1800*. Cambridge, Cambridge University Press, 1996. 288 p.
26. Paul M. C. The Military Revolution in Russia, 1550–1682. *The Journal of Military History*, 2004, vol. 68, no. 1, pp. 9-45.
27. *Perepiska ob ekspeditsii 1853 g.* [Correspondence on the 1853 Expedition]. *RGVIA* [Russian State Military Historical Archive], f. 67, inv. 1, d. 46, l. 1-4, 7-8.
28. *Perepiska Perovskogo s imperatorom, 30 iul'ja 1853 g.* [Correspondence of Perovskii with the Emperor, July 30, 1853]. *RGVIA* [Russian State Military Historical Archive], f. 483, inv. 1, d. 33, l. 1.
29. Rakhimov R.N. Nachalo russkogo prodvizheniya v Turkestan: pokhod na Ak-Mechet 1853 g. V.A. Perovskogo i sozdanije Syrdarjinskoi linii [The Beginning of Russian Expansion into Turkestan: V. A. Perovskii's 1853 Campaign Against Ak-Mechet and the Creation of the Syr Darya Line]. Efimov S.V., ed. *Vojna i oruzhije. Novye issledovanija i materialy: tr. VII Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.: v 5 ch., T. IV* [War and Weapons. New Research and Materials. Proceedings of the 7th International Scientific and Practical Conference. In 5 Pts., Vol. 4]. Saint Petersburg, VIMAIViVS, 2016, pp. 392-404.
30. Sharman J.C. *Empires of the Weak: The Real Story of European Expansion and the Creation of the New World Order*. Princeton, NJ, Princeton University Press, 2019. 216 p.
31. Sultangalijeva G., Suinova A. «O kirgiz-kaisatskikh i drugikh zagranichnykh obstojatelstvakh videl i slyshal»: informatory Rossijskoi imperii v Kazakhskoj stepi (vtoraja polovina XVIII – 60-je gg. XIX v.) [“About Kyrgyz-Kaisak and Other Foreign Circumstances I Have Seen and Heard”: Informants of the Russian Empire in the Kazakh Steppe (Second Half of the 18th – 60s of the 19th Century)]. *Ab Imperio*, 2022, no. 3, pp. 69-102.
32. Terentjev M. *Istorija zavojevanija Srednej Azii* [History of the Conquest of Central Asia], vol. 1. Saint Petersburg, Tipo-Litografiia V.V. Komarova, 1906. 534 p.
33. Thompson W.R. The Military Superiority Thesis and the Ascendancy of Western Eurasia in the World System. *Journal of World History*, 1999, vol. 10, no. 1, pp. 143-178.
34. Venyukov M.I. *Postupatelnoje dvizhenije Rossii v Srednej Azii* [The Progressive Movement of Russia in Central Asia]. Saint Petersburg, Tip. V. Bezobrazova i K, 1877. 49 p.

35. Vodvorenije russkoj vlasti v Srednej Azii [Establishment of Russian Power in Central Asia]. *Vojennyj sbornik*, 1868, no. 8, pp. 245-276.
36. Zalesov N. Pisma iz Khivy [Letters from Khiva]. *Vojennyj sbornik*, 1858, no. 4, pp. 491-497.

Information About the Author

Seilkhan T. Tokbolat, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, M.Kh. Dulaty Taraz University, Suleimenov St, 7, 080000 Taraz, Kazakhstan, seiltokbolat@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-3987-2917>

Информация об авторе

Сейилхан Токболатулы Токболат, кандидат исторических наук, ассоциированный профессор, Таразский университет им. М.Х. Дулати, ул. Сулейменова, 7, 080000 г. Тараз, Казахстан, seiltokbolat@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-3987-2917>